

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева

ЛЕКСЕМЫ ИНДИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ
БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Корпус лексем индийского происхождения сегодня выявляется с определенными расхождениями во всех восточнославянских языках. Различия в лексикографическом описании неизбежны, так как процесс заимствования всегда обусловлен культурно-историческими причинами, следует строгим закономерностям и сопровождается случайностями. На наш взгляд, имеющиеся сегодня специфические черты в кодификации лексики индийского происхождения и фиксации самих фактов вхождения подобных единиц в лексико-семан-

тическую систему языка объясняются в первую очередь хронологическим фактором, т. е. самим временем создания словаря, а также гибкостью, открытостью языкового социума, руководствующегося соответствующей национальной лексикографической традицией и направляемого ею.

Вхождение иноязычной лексемы в чужое языковое пространство затрагивает 2 мира – лексикографических источников и речевой практики. Носитель языка не всегда может объективно оценить истинное положение дел, а обращение к словарю обещает немало неожиданностей и даже таит ряд сюрпризов.

Источниками материала нашего исследования послужили данные толковых словарей белорусского и русского языков и словарей иностранных слов. В качестве основных источников выступили Тлумачальны слоўнік беларускай мовы в 5 томах (1977–1984) (ТСБМ), Слоўнік новых слоў беларускай мовы В. И. Уласевич и Н. Н. Довгулевич (2009), Слоўнік іншамоўных слоў в 2 томах А. Н. Булыко (1999) (словарь А. Н. Булыко), Словарь русского языка в 4 томах под ред. А. П. Евгеньевой (1985–1988) (МАС), Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова (2008) (словарь С. А. Кузнецова), Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина (2008) (словарь Л. П. Крысина), Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология Л. М. Баш, А. В. Бобровой и др. (2005), Современный толковый словарь (<https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl.htm>), Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный Т. Ф. Ефремовой (2000), Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний Е. Н. Захаренко и др. (2008), Этимологический словарь русского языка М. Фасмера (2003). В качестве дополнительных источников привлекались данные орфографических и акцентологических словарей соответствующих языков. Заметим, что в энциклопедических словарях по объективным причинам индийские реалии представлены значительно шире, однако мы опирались на данные исключительно лингвистических словарей, объектом описания которых являются факты языковых систем. Именно в лингвистических словарях дается информация о значениях и употреблении слов.

Лексемы индийского происхождения, вошедшие в словарный состав белорусского и русского языков, восходят к разным языкам индийской группы индоевропейской семьи. Так, в словарях белорусского языка мы обнаруживаем такие лексические единицы, как *Веды* (санскр. *Vēda* ‘веданне’), *нірвана* (санскр. *nirvana* ‘знікненне, згасанне’), *прана* (санскр. *prana* ‘дыханне’), *сікхі* (санскр. *sikch* ‘вучань’), *карма* (санскр. *karma*), *гуру* (санскр. *guru*), *гаур* (хіндзі *gaur*, ад санскр. *gaura*), *джунглі* (англ. *jungle*, ад хіндзі *jangal*), *сагіб* (хіндзі *sāhib*, ад ар. *sachib*), *хакі* (хіндзі *khaki* ‘колер гразі’), *джугара* (хіндзі *jugara*), *джут* (англ. *jute* ад бенг. *jūt*), в русских словарях – *гавиал* (хинди *gharviyāl*), *динги* (англ. *dinghy* < хинди *dingi*), *имбирь* (< нем. *Ingber*, *Ingwer* < лат. *singiber* < санскр. *scringavera*), *локаята* (санскр. *lokayata* < *loka* ‘земной мир’), *магарани*,

махарани (санскр. *mahā* 'великий' и *rājñī* 'королева'), *асана* (санскр. *asana*) и т. д. Отметим, что большинство лексем индийского происхождения, кодифицированных белорусскими и русскими лексикографическими источниками и ставших фактами лексических систем современных белорусского и русского языков, восходят к санскриту и хинди. Нами также обнаружены единичные лексемы с пометой *тамильское*, например: *парыя* (ад таміл. *parajjan* 'назва касты') (словарь А. Н. Булыко), *пария* с такими же пометами в МАС и словаре С. А. Кузнецова; *кулі / кули* (< тамильск. 'заработки') (Удивительно, но в белорусском словаре А. Н. Булыко и русском словаре Л. П. Крысина лексема *кули* дается с пометой *тамильское*, а русском словаре С. А. Кузнецова – с пометой *из хинди!*). Общеизвестно, что тамильский язык по происхождению относится к дравидийским – языкам древнейшего населения Индийского субконтинента. Это другая языковая семья, не индоевропейская, однако непосредственное отношение данных реалий, номинаций к Индии позволяет включать данные лексемы в корпус объектов нашего исследования.

По нашим данным, в лексикографических источниках белорусского языка зафиксировано 70 лексем индийского происхождения, в словарях русского языка – 99 единиц (из которых 3 ЛЕ – только в орфографическом словаре!). Следует признать, что выявленный качественный и количественный состав всегда напрямую зависят от критериев отбора. Объектом нашего исследования являются заимствования индийского происхождения, закрепленные в белорусской и русской лексикографических традициях, т. е. кодифицированные авторитетными лексикографическими источниками. Именно они трактуются нами как случаи вхождения слов иноязычного происхождения в лексические системы белорусского и русского языков.

Ожидаемо в толковых словарях белорусского и русского языков присутствуют *ёг / йог, ёга / йога, хаки / хаки, Буда / Будда, бунгала / бунгало, Веды / Веды, гуру / гуру, джунгли / джунгли, карма / карма, нирвана / нирвана, парыя / пария, піжама / тижамма, раджа / раджа, сары / сари* и др. Данные заимствования индийского происхождения, без сомнения, лексически полностью освоены языками-реципиентами и не являются агнонимами для их носителей. Однако в лексикографических источниках двух заданных языков мы обнаруживаем лексические единицы *ахімса і ахімса / ахимса* и *ахинса, вайшыі / вайшии, віна / вина* ('музыкальный инструмент'), *гаял / гаял, гаур / гаур, кшатрыі / кшатрии, сітар / ситар, сагіб / сагиб, сварадж / сварадж*, которые действительно отражают специфику жизни людей иной культуры, но при этом не становятся реальными фактами славянского языкового пространства. Участь данных лексем – ограниченное употребление в текстах об Индии. Даже будучи кодифицированными авторитетными лексикографическими источниками обоих языков, они остаются лексически недоосвоенными славянским языковым социумом. Носители белорусского и русского языков не используют эти лексемы в речи и испытывают трудности при их распознавании.

В целом белорусский корпус лексем индийского происхождения с соответствующим русским корпусом совпадает лишь отчасти. Так, в русской лексикографической традиции не зафиксированы лексические единицы *аенгара* ‘разнавіднасць класічнай ёгі, якая дапамагае атрымаць практычныя навыкі па расслабленню арганізма і медытацыі’, *куду’* в значении ‘дэкаратыўны элемент у форме падковападобнай аркі, тыповы для індыйскай архітэктуры’, в белорусской – *Агни, асана, аюрведа, ашрам, Брама / Брахма, Вишну, дхарма, дхоти, Индра, Кришна, локаята, мантра, магарани / махарани, маратхи, Митра, нансук, пайса, пали, панчаят, панча-шила, панчен-лама, рани, сандхи, Тримурти, Упанишады / упанишады, Сарасвати, хартал, чарвака, чатуранга, Шива*. Отметим большую готовность русского языка кодифицировать имена собственные, минимально представленные в белорусских лексикографических источниках (обнаружены лишь 4 лексемы: *Адзіці, Буда, Веды, Шамбала*).

Отдельные лексемы индийского происхождения в современных белорусском и русском языках характеризуются вариантностью написания и произношения, но интересно, что белорусский язык более последователен и менее склонен к колебаниям. Словари фиксируют минимальное количество вариантов: фонемно-графические варианты *кашамір* и *кашмір*, *ахімса* и *ахінса*, акцентологические вариации *гу’ру* и *гуру’*, орфографические дублиеты *Хатха-ёга* и *хатха-ёга* исчерпывают проблему. Русский язык куда менее категоричен. Он располагает фонемно-графическими вариантами *ахимса* – *ахинса*, *баньян* – *баниан*, *Брама* – *Брахма*, *брахманы* – *браманы*, *бу’нга’ло* – *бе’нга’ло*, *магараджа* – *махараджа*, *магарани* – *махарани*, *сагиб* – *саиб* – *сахиб*, акцентологическими вариантами *бе’нгало* – *бенга’ло*, *бу’нгало* – *бунга’ло*, *гу’ру* – *гуру’*, *на’нсук* – *нансу’к*, *ра’джа* – *раджа’*, морфологическими дублиетами *пайса* – *пайс*, орфографическими вариантами *Упанишады* – *упанишады*. Действительно, стабилизация ударения в ряде слов индийского происхождения до сих пор в русском языке не наступила. Есть расхождения и в выборе грамматической формы вокабулы – заглавного слова словарной статьи: в разных словарях русского языка обнаруживаем в данном статусе *брахман* – *брахманы*, *сикх* – *сикхи*, *чакра* – *чакры*. При сопоставлении данных двух языков обнаруживается ряд подобных расхождений в выборе формы числа вокабулы: *сутры* (бел.) – *сутра* (рус.), *сіпай* (бел.) – *сипай* (рус.), *чакры* (бел.) – *чакра*, *чакры* (рус.), *брахман* (бел.) – *брахман*, *брахманы* (рус.), *пракрыт*, *пракрыты* (бел.) – *праkrit* (рус.). Как видим, формы множественного числа белорусский язык выбирает чуть смелее.

Настоящий сюрприз носителям двух славянских языков может преподнести лексема *мандала*. В словаре новых слов белорусского языка обнаруживаем: *ма’нда́ла*, -ы, ж. (санскр. *mandala* ‘круг, круглы’) ‘сімвалічная выява ў выглядзе геаметрычнай дыяграмы (круг, у які ўпісаны квадрат з упісаным у яго ўнутраным кругам), што ўяўляе сабой як бы карту знешняга і ўнутранага свету чалавека (прызначана для сузіральнай практыкі)’. *Парыж, вуліца*

Юшэт, цэнтр, мандала, недасяжнае дрэва Ігдрасіль (<http://fragmenty.knihi.com/>). Большие и средние толковые словари русского языка, как, впрочем, и лингвистические словари вообще в отличие от энциклопедических, *мандалу* игнорируют, а в единственном русскоязычном лексикографическом источнике (орфографическом словаре!), который, казалось бы, не остался равнодушным к слову, находим лишь лексическую единицу *манда'ла* в значении 'йога'. Различия налицо – и формальные (акцентологические), и семантические. Однако в очень небольшом Современном словаре иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология Л. М. Баш (7200 слов) мы все-таки обнаруживаем *ма'ндалу* в нужном значении. Это еще раз подтверждает некоторую случайность в лексикографическом описании и кодификации заимствованной лексики в составе лексико-семантической системы языка-реципиента.

Современные словари и труды по лексикографии – ценнейший источник достоверной информации. Так, в частности, лексема *каста*, которая в языковом сознании носителей белорусского и русского языков зачастую интерпретируется как индийская, на самом деле совершенно иного происхождения: португ. *casta* 'род, пакаленне', от лат. *castus* 'чистый, непорочный', из праиндоевр. **kas-to-* 'резать'; в славянские языки пришло как заимствование через посредство нем. *Kaste* или франц. *caste* (данные словарей М. Фасмера, А. Н. Булыко, С. А. Кузнецова, Л. П. Крысина и др. совпадают). А ведь в учебной, научно-популярной и даже научной литературе слово *каста* нередко преподносится именно как индийское.

Анализ фактического материала иллюстрирует необходимость дальнейшей работы исследователей с корпусом заимствованной лексики. Расхождения лексикографических сведений встречаются достаточно часто. В ряде лексикографических источников русского языка, в том числе авторитетном словаре Л. П. Крысина, лексема *веранда* позиционируется как «англ., порт. < хинди *varanda* 'обносить забором, перилами'». Цепочка англ. *veranda*, от порт. *varanda*, санскр. *waranto/a*, индусск. и перс. *baramadah*, от *bar-* 'на' и *amadah-* 'идти, приходить' (хинди *baramadah* 'балкон, галерея') весьма популярна в русской лексикографической традиции. В белорусской лексикографии лексема *веранда* никак не связана с языками Индии: в ТСБМ дается *веранда* «англ. *varanda*», а в словаре А. Н. Булыко – «фр. *veranda*, ад. парт. *varanda*».

Подобных расхождений в лексикографических источниках двух славянских языков немало. Так, в авторитетном белорусском словаре А. Н. Булыко слово *бурхан* 'будыйскі ідал у веруючых манголаў, буратаў і калмыкаў' дается с пометой манг. *burchan*, *шаман* 'чараўнік, знахар у народаў, рэлігія якіх засноўваецца на веры ў духаў' – эвенк. (те же сведения представлены в ТСБМ), *дынгі* 'маленькі гоначны швербот' – англ. *imbir* '1) травяністая расліна сям. імбірных з двухрадным лісцем, адзіночнымі веткамі ў суквеццях і мясістым каранем, багатым на эфірны алей, пашырана ў тропіках; 2) прыправа з каранёў гэтай расліны' – польск. *imbir* < с.-в.-ням. *ingebër, imbër* ад

лац. *zingiber*, *пуни* ‘спіртны напітак, звычайна гарачы, які гатуецца з рому з цукрам, лімонным сокам або фруктамі’ – англ. (те же сведения представлены в ТСБМ), *нансук* ‘тонкая баваўняная тканіна, падобная на льняную, з якой шыюць бялізну’ – англ. *nainsook*, ад інд. *najnsukh* ‘радасць вачэй’; *цукар* ‘1) пажыўны харчовы прадукт, белое крышталічнае рэчыва, салодкае на смак, якое вырабляецца з цукровых буракоў або цукровага трыснягу; 2) адно з арганічных злучэнняў, пераважна з групы вугляводаў; 3) *перан.* той, хто прыносіць асалоду’ – польск. *cukier* < нем. *Zucker* < ит. *zuchero* ад араб. *sukkar*.

В русскоязычном словаре Л. П. Крысина обнаруживаем: *бурхан*, -а, м., *одуш.* (монг. *burqan* < санскр. *Buddha* ‘Будда’) ‘идол у монголов-буддистов’; *шаман*, -а, м., *одуш.* (эвенк. *šaman* ‘буддийский монах’ < санскр. *śramaṇās* ‘аскет-буддист’) ‘у некоторых (преимущ. северных) народов, сохраняющих веру в духов и в возможность общения с ними: служитель культа (в 1 знач.), колдун-знахарь, способный приводить себя в состояние экстаза’; *имбирь*, -иря, мн. нет, м. (< нем. *Ingber, Ingwer* < лат. *singiber* < санскр. *scringavera*) ‘многолетнее травянистое тропическое растение, высушенное корневище которого применяется как пряность’; *динги*, *нескл.*, м. (англ. *dinghy* < хинди *dingi* ‘маленькая лодка’) *мор.* ‘маленький гоночный швертбот’; *на’нсу’к*, -а, мн. нет, м. (франц. *nansouk* < хинди) ‘тонкая хлопчатобумажная бельевая ткань, похожая по выработке на полотно’, в то время как в словаре С. А. Кузнецова, в МАС – *нансук* – франц.; в том же словаре С. А. Кузнецова *пуни* ‘спиртной напиток из рома, вскипяченного с сахаром, водой и фруктовыми приправами’ – франц. *punch* < англ. *punch* < хинди *panch* ‘пять’, причем в МАС *пуни* – англ.; *сахар*, -а(-у), м. (греч. *sakcharon* < др.-инд. ‘гравий, песок; сахарный песок’), а в МАС *сахар* подается без помет, указывающих на происхождение слова.

Действительно, в белорусских лексикографических источниках информация о происхождении слов не всегда совпадает с данными лексикографических источников, разработанных на материале русского языка, а иногда подается в упрощенном виде в сопоставлении с имеющимися русскими. Так, например: 1) в словаре А. Н. Булыко лексическая единица *беры-беры* дается просто с пометой «инд.» (ад інд. *beri* ‘слабасць’), в то время как в словаре С. А. Кузнецова та же лексема *бери-бери*, *неизм.*; *ж.* дается как «сингальск. *beriberi* от *beri* ‘слабость’»; 2) в словаре А. Н. Булыко *бунгала* дается как «англ. *bungalow*, ад інд. *Bangla*», в словаре С. А. Кузнецова *бунгало*, *неизм.*; *ср.* подается как «англ. *bungalow*», а в русском Современном словаре иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология (Л. М. Баш и др., 2005) – как английское, восходящее к хинди, бенгальскому («букв. бенгальский дом»); 3) в русском Современном словаре иностранных слов (Л. М. Баш и др., 2005) лексема *бандана* фиксируется как заимствование из хинди через посредство английского языка, а в Слоўніку новых слоў бела-

русской мовы (2009) отмечено ее испано-итальянское происхождение. Все это свидетельствует о том, что работу в сфере лексикографического описания стоит, несомненно, продолжать.

Расхождения, разная глубина этимологического анализа, различная степень детализации сведений сопровождают и будут сопровождать лексикографическую работу на всем ее протяжении, но дальнейшие исследования и кропотливый труд лексикографов – всегда путь вперед. Сегодня в ходе сопоставительного анализа материала белорусского и русского языков выявляется немало случаев, когда в словарных составах обоих языков присутствуют одни и те же лексемы, но в одной лексикографической традиции в словарях присутствует помета, свидетельствующая об иноязычном происхождении словарной единицы, в другой – отсутствует, в одной лексикографической традиции присутствует указание на индийское происхождение, а в другой – указание на совершенно иной источник заимствования. В результате лексемы *бандана*, *бунгало*, *бурхан*, *веранда*, *динги*, *имбирь*, *нансук*, *пуни*, *шаман* и др., которые вошли в корпус лексики индийского происхождения в составе лексико-семантической системы русского языка, не могут быть включены в аналогичный корпус лексики индийского происхождения в составе лексико-семантической системы белорусского языка: они просто не имеют соответствующих помет либо сопровождаются пометами, противоречащими факту индийского происхождения.

В ходе анализа данных русских лексикографических источников обращает на себя внимание факт более широкой представленности лексических единиц индийского происхождения в орфографических и акцентологических словарях в сопоставлении с толковыми (например, *агни-йога*, *акхьяна*, *бинди*, *хиндустани*, *Шамбала*, *шандра*). Это объективно закономерно: сам факт фиксации лексем в орфографических и акцентологических словарях – свидетельство того, что языковой социум испытывает потребность в данных лексических единицах, использует их, а также хороший задел на будущее – не за горами фиксация в толковых словарях. В то же время в белорусской лексикографической традиции выявляется иная тенденция: из 70 лексем индийского происхождения, зафиксированных в толковых словарях белорусского языка (и словарях иностранных слов), только 36 единиц отражены в авторитетном орфографическом словаре (Слоўнік беларускай мовы, 2012 г., 150 тыс. слов) и лишь 6 слов вошли в Слоўнік націску ў беларускай мове Н. В. Бирилло (1992 г., 5500 слов).

Лексика индийского происхождения в силу своей экзотичности для славянского миропонимания и культуры оказывается интересной и даже притягательной для носителей белорусского и русского языков. Более того, при всей ее чужеродности, а возможно, даже благодаря ей, лексика индийского происхождения оказывается нужной, необходимой говорящим на белорусском и русском языках: ведь эти слова не имеют синонимов в наших языках, это знаки иной лингвокультуры. Проблема вхождения лексики индийского происхождения в лексико-семантические системы славянских языков перманентна: словари новых слов белорусского и русского языков закономерно фиксируют и будут фиксировать все новые и новые лексические единицы.